

МАТИ ЭРЕЛТ (Таллин)

ЗАМЕТКИ О ПАССИВЕ В ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о залогах в эстонском языке пока еще окончательно не решен, несмотря на то что в последнее время языковеды им серьезно занимались (Kont 1963; Rajandi 1966, 1967, 1968). В настоящей статье сделана попытка дополнить разработку вопросов, связанных с пассивом и имперсоналом в эстонском языке, причем автор не претендует на окончательное решение всех проблем, касающихся этих явлений.

Несколько слов о залоге вообще. Благодаря более глубокому изучению семантической структуры предложения сделаны новые шаги и в раскрытии данного понятия. Подробному анализу (при этом на материале типологически довольно разных языков) категорию залога подвергли А. А. Холодович, В. С. Храковский и примыкающая к ним группа лингвистов.¹ Залог в разработке А. А. Холодовича — это определенного типа диатеза. Диатезой называется схема соответствия между синтаксическими единицами — членами предложения (синтаксическими актантами) и семантическими единицами, т. е. участниками обозначаемой предложением ситуации (семантическими актантами), такими как агент, (семантический) объект (\cong пациент), инструмент, экспериенцер и т. п. Представляется возможным говорить о первичных и вторичных семантических функциях членов предложения. Если члены предложения выполняют в предложении свои первичные функции, то мы имеем дело с прямой номинацией ситуации, т. е. формально-синтаксическая структура изоморфна структуре ситуации; такое соответствие между членами предложения и участниками ситуации называется исходной диатезой. Если некоторые члены предложения выполняют свои вторичные функции, мы имеем дело с косвенной номинацией; такое соответствие называется производной диатезой. Синтаксическая структура предложения, в которой реализуется исходная диатеза, является исходной. Синтаксическая структура предложения, в которой реализуется производная диатеза, является производной. Например, в предложении *Ma tean seda uudist* 'Я знаю эту новость' реализуется исходная диатеза, так как позицию подлежащего занимает экспериенцер, а позицию прямого дополнения — (семантический) объект. Таким образом, данное предложение имеет исходную структуру. Но в предложении *See uudis on mulle teada* 'Эта новость мне известна' реализуется производная диатеза, ибо в позиции подлежащего выступает семантический объект, а в позиции второстепенного члена — экспериенцер. Данное предложение имеет производную структуру.

А. А. Холодович и другие определяют залог как регулярно обозначенное в морфологической форме глагола соответствие между синтак-

¹ О работах этой группы см.: Категория 1970, Типология 1974, Диатезы 1975.

сическими и семантическими единицами. Согласно такому определению залог не представляет собой чисто морфологической, а является синтактико-морфологической категорией.

Назовем активом исходный залог, при котором подлежащее, как свойственное прямой номинации, выполняет свою первичную семантическую функцию, а точнее — обозначает отправную точку процесса. Несколько замечаний по поводу сказанного.

С нашей точки зрения, первичное соответствие между подлежащим и семантическим актантом относительно. Нам кажется неверным утверждение о том, что подлежащему первично соответствует один определенный семантический тип участника, например агент. Такое положение возможно лишь в том случае, когда во всех предложениях одновременно выражены все типы участников. Практически такое положение невозможно. В действительности в предложениях реализуется довольно большое количество различных комбинаций актантов (агент: *Poiss jookseb* 'Мальчик бегает'; агент + (семантический) объект: *Poiss viskab palli* 'Мальчик бросает мяч'; инструмент + (семантический) объект: *Haamer purustab klaasi* 'Молоток разбивает стекло'; (семантический) объект: *Klaas puruneb* 'Стекло разбивается' и т. д.), при этом первичное подлежащее может обозначать разные семантические актанты. Соответствие между подлежащим и семантическим актантом выражается в том, что последние упорядочены в зависимости от их способности быть обозначаемыми подлежащим. Первично подлежащее всегда обозначает того участника, который находится в этой последовательности на более переднем месте. Например, если в предложении имеется агент, то первичное подлежащее всегда обозначает его. Если агента нет, но имеются, например, инструмент и (семантический) объект, то подлежащее выражает инструмент, ибо он находится в последовательности участников перед семантическим объектом. Мы считаем, что всякий процесс ориентирован не только коммуникативно, но и денотативно, причем первичное подлежащее всегда указывает на денотативную отправную точку процесса.

При определении пассива возможен выбор между двумя альтернативными подходами. Согласно более общей интерпретации пассивом считается такой производный залог, при котором просто нарушено соответствие: подлежащее — отправная точка процесса. При таком подходе приходится считать пассивными и такие предложения, в которых позиция подлежащего (вообще) не занята, т. е. имперсональные. Другими словами, согласно такой концепции пассивного залога имперсонал — это подтип пассива.

Более узкая интерпретация пассива видит в пассивности не только утрату функции отправной точки подлежащего, но и занятость позиции подлежащего каким-либо другим семантическим актантом, т. е. пассивными считаются лишь такие предложения, в которых имеется подлежащее. В эстонском языке позицию подлежащего в пассивном предложении может занять (тотальное) прямое дополнение активного предложения. Такое явление весьма распространено и в других языках, хотя и не имеет универсального характера. Например, в английском языке в позицию подлежащего может переходить не только прямое дополнение активного предложения, но и какой-либо другой второстепенный член предложения (*He gives me a book* → *I was given a book by him*).

В эстонском языкознании представлены обе концепции пассива (хотя они и не точно так сформулированы). Известны еще и некоторые другие. Точка зрения, согласно которой имперсонал является подтипом пассива, обусловлена не только особенностями эстонского языка. Такого рода мнения высказывались и о других языках, в том числе и

о русском. В этих языках «классический» персональный пассив и имперсонал по своей форме не так тесно переплетаются, как в эстонском. Одним из тех лингвистов, которые рассматривают русские неопределенно-личные конструкции (*Стену разбили*) и безличные конструкции (*Стену разбило*) наряду с конструкциями, имеющими подлежащее (*Рабочий разбил стену* → *Стена была разбита рабочим*) как подтипы пассивных конструкций, является В. С. Храковский (1974). С другой стороны, русская традиционная грамматика и некоторые представители структурной лингвистики, занимающиеся проблемами залога (Холодович 1974, Мельчук 1974), не считают положения В. С. Храковского обоснованными и рассматривают неопределенно-личные и личные конструкции как активные, в которых встречается т. н. нулевое подлежащее, т. е. такое подлежащее, которое имеет обозначаемое и не имеет обозначающего.

Что касается эстонского языка, то проблема, представляет ли собой имперсонал исходный или производный залог, не заслуживает серьезного внимания, так как для имперсонала в эстонском языке характерна специфическая морфологическая парадигма форм, а во-вторых, имперсонал в эстонском языке в определенных случаях может быть двухчленным, т. е. актант, занимающий в активном предложении позицию подлежащего, может в имперсональном предложении реализоваться как агентное дополнение в виде $N + \text{gen. poolt}$, например *Ants vedas teid ninapidi* 'Антс обманул вас', *Teid veeti Antsu poolt ninapidi* 'Вы обмануты Антсом'.

Возникает вопрос, из какой концепции пассива исходить? По нашему мнению, предпочтение той или иной концепции — вопрос чисто терминологический. Имперсонал и пассив (в его узком значении) в эстонском языке имеют довольно много общего, чтобы рассматривать их как варианты одного и того же залога. Если придерживаться более широкой концепции пассива, то мы будем говорить о нем как об общем названии обоих вариантов, а сами варианты в этом случае назовем имперсональным пассивом (для простоты можно и в дальнейшем пользоваться термином имперсонал) и персональным пассивом. Если же все-таки предпочесть более узкую концепцию пассива, то для общего названия имперсонала и пассива следует просто придумать новый термин. Такого термина, к сожалению, у нас нет и в основном поэтому мы отдаем предпочтение более общей концепции пассива.

Таким образом, с нашей точки зрения, пассив — это производный залог, при котором нарушено соответствие: подлежащее — отправная точка процесса. Если при этом позиция подлежащего остается свободной, то мы имеем дело с имперсоналом. Но если это нарушение сопровождается занятием позиции подлежащего другим актантом (т. е. не первым среди актантов данного сказуемого), то мы имеем дело с персональным пассивом.

Следующие предложения иллюстрируют возможные случаи встречаемости имперсонала в эстонском языке (представлены только формы изъявительного наклонения глагола; часть примеров почерпнута из публикаций Х. Рааянди): презенс *Riputakse* 'Висят'; имперфект *Riputi* 'Висели'; перфект *On riputud* то же; плюсквамперфект *Oli ripatud* то же; презенс *Lehvitatakse taskurätti* 'Машут носовым платком'; имперфект *Lehvitati taskurätti* 'Махали носовым платком'; перфект *On lehvitatud taskurätti* то же; плюсквамперфект *Oli lehvitatud taskurätti* то же; презенс *Tunnistaja sunnitakse (kohtuniku poolt) vaikima* 'Свидетеля заставляют (букв. судьей) молчать'; имперфект *Tunnistaja sunniti (kohtuniku poolt) vaikima* 'Свидетеля заставили (букв. судьей) молчать'; перфект *Tunnistaja on sunnitud (kohtuniku poolt) vaikima* то же; плюск-

квямперфект *Tunnistaja oli sunnitud (kohtuniku poolt) vaikima* то же.

Имперсонал можно образовать только из тех предложений, в которых подлежащее обозначает агента, экспериенцера или носителя физиологического состояния. Х. Раянди (Rajandi 1966:614) отмечает, что трансформация имперсонала происходит в том случае, когда «... среди признаков персонального предложения имеются символ «одушевленный» или «одушевляемый». Но этого условия недостаточно, ибо, например, предложение *See tüdruk on ilus* 'Эта девочка красивая', в котором позицию подлежащего занимает обозначающий лицо актант, не поддается имперсонализации. Причина здесь скорее всего в том, что названный актант обозначает (семантический) объект. Даже сам Х. Раянди вынужден оговориться, что в некоторых случаях причины имперсонализации следует искать где-то на более глубоком уровне. Например, ему не удалось объяснить, почему не поддаются имперсонализации предложения типа *Talle meenus õeke* 'Ему вспомнилась сестричка' и *Mari huvitab Jaani* 'Мари интересуется Яана', несмотря на то что в обоих предложениях мы имеем дело с «одушевленным субъектом». Подлежащее обозначает и здесь (семантический) объект, а не агента, экспериенцера или носителя физиологического состояния. Следует отметить, что синтаксическая роль признака «одушевленный» в действительности имеет значительно меньшую весомость, чем принято считать. Чаще всего он является семантическим признаком, который сопутствует другим семантическим признакам (или вытекает из них). В данном случае он сопутствует семантическим типам актантов агента, экспериенцера и носителя физиологического состояния, но не ограничивается ими и поэтому взятым отдельно не играет диагностической роли.

Актант, занимающий позицию подлежащего в активном предложении, в имперсональном предложении может остаться или невыраженным (с точки зрения эстонского языка типичный случай) или факультативно выраженным агентивным дополнением в виде $N \neq \text{gen. poolt}$ (менее типичный случай; наиболее типично это при наличии тотального прямого дополнения в имперсональном предложении). Но во всяком случае в имперсональном предложении в имплицитном виде сохраняется указание на семантический тип подлежащего активного предложения.

Для имперсонала характерна определенная парадигма глагольных форм (во всех временах: презенсе, имперфекте, перфекте, плюсквамперфекте).

Имперсонал образуется как от переходных, так и от непереходных глаголов, как от глаголов с парциальным, так и с тотальным прямым дополнением (исключая случаи, когда тотальное дополнение не имеет номинативной формы, как при личных местоимениях 1-го и 2-го лица).

Общая характеристика персонального пассива идентична характеристике имперсонала: персональный пассив тоже образуем только от таких предложений, в которых позицию подлежащего занимает агент, экспериенцер или носитель физиологического состояния, при этом как и в случае имперсонала, этот актант может остаться или невыраженным, или выражается агентивным дополнением в виде $N \neq \text{gen. poolt}$. Сохраняется и указание на семантический тип подлежащего активного предложения. Никакого специфического «персонально-пассивного значения», отличающегося от «имперсонального значения», не существует. Персональный пассив отличается от имперсонального только формально, наличием согласующегося со сказуемым подлежащего. Последним обстоятельством обусловлена более узкая сфера его употребления. При персональном пассиве позиция подлежащего занята прямым дополнением активного предложения, отсюда следует, что персональный пассив образуем только от активного предложения с (тотальным) прямым до-

полнением. Пассив имеет два времени: перфект и плюсквамперфект. Попытаемся конкретизировать сказанное. С этой целью пересмотрим примеры, выдвинутые в центр внимания в статьях Х. Раянди.

Согласно нашей концепции, пассивом (имперсональный пассив + персональный пассив) является то, что Х. Раянди называет имперсоналом. По мнению Х. Раянди (и не только по его мнению), предложения *Tunnistaja on sunnitud vaikima* 'Свидетеля заставили молчать; Свидетель вынужден молчать' и *Tunnistaja oli sunnitud vaikima* 'Свидетеля заставили молчать; Свидетель был вынужден молчать' имеют две интерпретации: интерпретацию, свойственную имперсоналу (указание на одушевленного заставителя), и интерпретацию, свойственную персональной *tud*-конструкции (отсутствие такого указания). На основе первой интерпретации Х. Раянди включает эти предложения в парадигму имперсонала (в виде *on sunnitud* и *oli sunnitud* 'заставили' мы имеем дело соответственно с формами перфекта и плюсквамперфекта имперсонала): презенс *Tunnistaja sunnitakse vaikima* 'Свидетель вынужден молчать'; имперфект *Tunnistaja sunniti vaikima* 'Свидетеля заставили молчать'; перфект *Tunnistaja on sunnitud vaikima* то же; плюсквамперфект *Tunnistaja oli sunnitud vaikima* то же.

Таким образом, *tunnistaja* 'свидетель' здесь является тотальным прямым объектом. При второй интерпретации данные предложения включаются в следующую парадигму: презенс *Tunnistaja on sunnitud vaikima* 'Свидетель вынужден молчать'; имперфект *Tunnistaja oli sunnitud vaikima* 'Свидетель был вынужден молчать'; перфект *Tunnistaja on olnud sunnitud vaikima* то же; плюсквамперфект *Tunnistaja oli olnud sunnitud vaikima* то же.

В данной парадигме *sunnitud* 'вынужден' остается вне сложных времен и в этих предложениях мы имеем дело с формами презенса, имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта глагола *olema* 'быть'. *Tunnistaja* выступает здесь в роли подлежащего, с которым согласуется сказуемое.

Но в эстонском языке есть еще предложения типа *Klapid olid suletud* 'Клапаны были (кем-то) закрыты; Клапаны были в закрытом положении'. Х. Раянди вынужден отметить, что несмотря на согласование, представляется возможным их тоже толковать двояко. Согласно одной интерпретации данного предложения следует, что кто-то закрыл клапаны, согласно другой, что факт закрытия остается невыраженным, т. е. *Klapid olid suletud* = *Klapid olid kinni* 'Клапаны были в закрытом положении'. Х. Раянди признает первую интерпретацию свойственной только имперсоналу и рассматривает такое предложение, несмотря на согласование, как имперсональное с тотальным прямым дополнением, как и регулярное имперсональное предложение *Klapid oli suletud* 'Клапаны закрыли'. Но мы никак не можем согласиться с утверждением, что данное согласование представляет собой необъяснимый случайный факт в эстонском языке. По нашему мнению, это вполне естественное явление и отсутствие объяснения его скорее всего указывает на неадекватность разработки имперсонала Х. Раянди. Предложение *Klapid olid suletud* согласно первой интерпретации представляет собой чистый случай персонального пассива в эстонском языке. *Klapid* 'клапаны' в данном предложении при обеих интерпретациях выступает в роли подлежащего, а сказуемое и должно согласовываться с подлежащим. Если теперь вернуться к предложениям *Tunnistaja on sunnitud vaikima* и *Tunnistaja oli sunnitud vaikima*, то можно сказать, что они представляют собой в действительности не только имперсонал и адъективизацию, а имперсонал, персональный пассив и адъективизацию. Если будем считать, что *tunnistaja* — прямое дополнение, то в данном предложении мы имеем дело с имперсоналом. Если же считать, что *tunnis-*

taja — подлежащее, то нельзя рассматривать это предложение только как случай адъективизации; согласно другой интерпретации — это случай персонального пассива.¹ (См. схему).

<i>Tunnistaja(d) sunnitakse vaikima</i> 'Свидетеля (свидетелей) заставят молчать'	}	→ Имперсонал
<i>Tunnistaja(d) sunniti vaikima</i> 'Свидетеля (свидетелей) заставили молчать'		
<i>Tunnistajad oli sunnitud vaikima</i> 'Свидетелей заставили молчать'		
<i>Tunnistaja(d) on sunnitud vaikima</i> 'Свидетеля (свидетелей) заставили молчать' 'Свидетель (свидетели) заставлен(ы) (кем-то) молчать' 'Свидетель (свидетели) вынужден(ы) молчать'		
<i>Tunnistaja oli sunnitud vaikima</i> 'Свидетеля заставили молчать' 'Свидетель был заставлен (кем-то) молчать' 'Свидетель был вынужден молчать'	}	→ Персональный пассив
<i>Tunnistajad olid sunnitud vaikima</i> 'Свидетели были заставлены (кем-то) молчать' 'Свидетели были вынуждены молчать'		
<i>Tunnistaja(d) on olnud sunnitud vaikima</i> 'Свидетель (свидетели) был(и) вынужден(ы) молчать'	}	→ Адъективизация
<i>Tunnistaja(d) oli(d) olnud sunnitud vaikima</i> 'Свидетель (свидетели) был(и) вынужден(ы) молчать'		

Таким образом, при наличии 3-го лица в предложении выступает регулярный персональный пассив, который в перфекте единственного и множественного числа и в плюсквамперфекте единственного числа от имперсонала не отличается, а в плюсквамперфекте множественного числа отличается. Фактически персональный пассив в эстонском языке выступает и при наличии других лиц. Рассмотрим следующие предложения: *Ma olen (olin) lausa paljaks riisunud nende petturite poolt* 'Я (был) почти совсем ограблен этими обманщиками'; *Sa oled (olid) lausa paljaks riisunud nende petturite poolt* 'Ты (был) почти совсем ограблен этими обманщиками'; *Me oleme (olime) lausa paljaks riisunud nende petturite poolt* 'Мы (были) почти совсем ограблены этими обманщиками'; *Te olete (olite) lausa paljaks riisunud nende petturite poolt* 'Вы (были) почти совсем ограблены этими обманщиками'. *ma* 'я', *sa* 'ты', *me* 'мы', *te* 'вы' могут здесь выступать только в роли подлежащего. От местоимений 1-го и 2-го лица нельзя образовать номинативное тотальное прямое дополнение и поэтому имперсонал с тотальным дополнением невозможен, так что о случайном согласовании не может быть и речи. Нет здесь и адъективизации — на это указывает наличие агентивного дополнения и тот факт, что, например, предложение **Ma olen olnud lausa paljaks riisunud nende petturite poolt* 'Я был почти совсем ограблен этими обманщиками' является неграмматическим. В имперсонал X. Райнди такого рода предложения просто не включаются.

² К. Конт (Kont 1963:160) придерживается мнения, что элемент предложения типа *tunnistaja* выступает в пассивном предложении одновременно в роли подлежащего и прямого дополнения. X. Райнди подверг это справедливой критике. В то же время К. Конт указывает и на то, что такого типа предложения можно рассматривать трояким способом.

В нашей разработке пассива такие предложения находят свое законное место в системе персонального пассива.

Итак, можно сказать, что в эстонском языке персональный пассив выступает во всех лицах и изменяется по двум временам — перфекту и плюсквамперфекту. При 3-м лице персональный пассив параллелен имперсоналу с тотальным прямым дополнением, только в случае плюсквамперфекта при подлежащем во множественном числе пассив формально отличим от имперсонала (*Klapid olid suletud* 'Клапаны были (кем-то) закрыты' — *Klapid oli suletud* 'Клапаны закрыли').

С таким описанием могут не согласиться лингвисты, которые считают предложение *Klapid oli suletud* 'Клапаны закрыли' грамматически неправильным. Согласиться с неграмматичностью такого предложения могут многие. Отметим, что по данным Х. Неэтар (Neetar 1964) и К. Конта (Kont 1963), и в диалектах встречаются только отдельные примеры на несогласованность. Если такое предложение с несогласованным сказуемым окажется грамматически неправильным, следует сделать вывод, что в формах сложных времен у имперсонала отсутствует тотальное прямое дополнение и предложения типа *Tunnistaja on (oli) sunnitud vaikima, Tunnistajad on sunnitud vaikima* при пассивной интерпретации (т. е. когда имеется указание на «одушевленного заставителя») представляют собой всегда случаи персонального пассива.³ Мы не хотим в этом отношении дать окончательное решение, так как по данным Х. Раянди, такое употребление все же встречается.

³ Такую точку зрения высказывал в печати К. Куре (Kure 1956). Ранее эта точка зрения имела довольно широкое распространение, см., например, Аренс (Ahrens 1853), Видеман (Wiedemann 1875).

ЛИТЕРАТУРА

- Ahrens, E. 1853, Grammatik der Ehstnischen Sprache Revalschen Dialektes. Zweiter Theil: Satzlehre. Reval.
- Kont, K. 1963, Käändsõnaline objekt läänemeresoome keeltes. Tallinn.
- Kure, K. 1956, Tegusõna olema funktsioonidest ja tähendustest. — ESA II, lk. 126—127.
- Neetar, H. 1964, Aluse ja öeldise ühildumine eesti murretes. Tallinn (канд. дисс., рукопись).
- Rajandi, H. 1966, Arutlusi eesti impersonaali üle. — KK IX, lk. 538—548 ja 602—616.
- 1967, Passiivne tud-adjektivisatsioon. — KK X, lk. 218—223 ja 286—292.
- 1968, Eesti impersonaali ja passiivi süntaks. Tallinn (канд. дисс., рукопись).
- Wiedemann, F. J. 1875, Grammatik der Ehstnischen Sprache. St.-Petersbourg.
- Диатезы 1975 = Диатезы и залого. Тезисы конференции «Структурно-типологические методы в синтаксисе разносистемных языков». (12—23 октября 1975 года). Ленинград.
- Категория 1970 = Категория залога. Ленинград.
- Типология 1974 = Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. Ленинград.
- Мельчук И. А. 1974, О синтаксическом нуле. — Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. Ленинград, стр. 343—361.
- Холодович А. А. 1974, Miscellanea marginalique. (Еще раз о залогах и диатезах.) — Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. Ленинград, стр. 362—378.
- Храковский В. С. 1974, Пассивные конструкции. — Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. Ленинград, стр. 5—45.

MATI ERELТ (Tallinn)

SOME REMARKS ON THE PASSIVE IN ESTONIAN

In works on the category of voice in Estonian by H. Rajandi as well as in current grammars of the Estonian language the existence of the impersonal passive is recognized but the personal passive is rejected. In the present paper it is shown that in Estonian the personal passive is a regular variant of the passive, and on an equal footing with the impersonal passive. In the third person, both singular and plural, it formally coincides with the impersonal passive but elsewhere it has a formal representation of its own, quite different from the impersonal forms.